Все члены Семьи Шэнь любят только Шэнь Цинву, а на неё, свою собственную плоть и кровь, потерянную и вернувшуюся в семью, им наплевать. Они ещё и потакают Шэнь Цинву в её издевательствах над людьми. Неужели она обязана навязываться им и вести себя как дешёвка?

Даром не надо!

*

Бар.

Гремит музыка, мелькают огни.

— Разве моя богиня не красавица? — раздался голос подруги Кун Фэй под бурный DJ-сет.

Су Е бросила взгляд на телефон в руке Кун Фэй: изображенная на фотографии женщина была одета в белое ципао, запястье украшало чётки из бусин, взгляд чист и прозрачен, а манеры — мягки и отрешены от суетного мира.

— Какая к черту богиня, — поморщилась Су Е.

И чего только у Кун Фэй с мозгами стало? Вместо того чтобы фанатеть по стольким писаным красавицам из шоу-бизнеса, она прицепилась к этой Шэнь Цинву. Разве это не чистой воды помешательство?

Конечно, таких «помешанных», как Кун Фэй, было немало.

Впрочем, когда-то и Су Е состояла в их числе…

Да ну, и вспоминать не стоит, сплошной позор на всю жизнь.

Шэнь Цинву никогда не крутилась в шоу-бизнесе, и единственная причина, почему у неё набралось столько фанатов — это её смазливая мордашка.

А главным поводом служило то, что Шэнь Цинву являлась создательницей популярнейшей на данный момент мобильной игры Снег Беспричинности.

Насколько гремела эта игра, настолько же популярна была и её создательница.

Кун Фэй поддалась ближе:

— Говори громче! Эта музыка слишком орет, ничего не слышно! Ты просто скажи, хороша ли эта новая фотка моей богини? Даже случайный снимок прохожего без прикрас и фильтров вышел таким классным, представляешь, насколько она прекрасна вживую?

Су Е закатила глаза, её персиковые глаза слегка приподнялись — даже в этот момент раздражённого закатывания глаз в них сквозила какая-то до боли соблазнительная поволока.

Кун Фэй хихикнула:

— Разговариваешь — так разговаривай, зачем меня соблазнять? Ну-ка, давай, чмоки-чмоки, поцелуй меня!

Су Е живо оттолкнула эту чокнутую подругу.

Вдоволь надурачившись, Кун Фэй наконец посерьезнела:

— Недавно ты говорила, что собираешься на пробы на роль третьей солистки в Цветы увяли, уже есть результаты?

Су Е пригубила вино и вздохнула:

— Прослушивание перенесли на неделю позже, даже не знаю, выгорит ли что-нибудь.

— Да сто пудов выгорит, — Кун Фэй с интересом оглядела её лицо. — Эта третья солистка — главная куртизанка, а с твоей личиной роковой женщины, если не тебя выбирать, то кого еще? Твой образ просто идеален!

Су Е хмыкнула:

— Сдается мне, ты меня сейчас оскорбила.

Кун Фэй пропустила это мимо ушей, подперла подбородок рукой и, не мигая, уставилась на лицо Су Е.

Алые губы, персиковые глаза, уголки рта при улыбке взмывают вверх, каждое движение и каждый взгляд трогают за душу, источая невыразимое, пьянящее очарование.

Вот только эта девчонка — стопроцентная натуралка, просто железобетонная, с сожалением покачала головой Кун Фэй.

— Спорим, я выколю тебе глаза? — Су Е, столкнувшись с её взглядом, от которого по коже

бежали мурашки, изобразила жест тычка в глаз.

Кун Фэй цыкнула языком:

— Скучно с тобой, больше не буду болтать, пойду пообщаюсь с другими девчонками.

С этими словами она подхватила бокал, виляя бёдрами, затерялась в толпе, но перед уходом бросила:

— У этого вина крепкое послевкусие, пей поменьше.

Грохот музыки заглушил её предупреждение, и Су Е ничего не расслышала.

Пока Кун Фэй отправилась на поиски романтических приключений, Су Е устроилась в укромном уголке и глоток за глотком потягивала вино. Стоило избавиться от всей этой гнуси в Семье Шэнь, как её жизнь стала невероятно комфортной — просто слов нет.

В Семье Шэнь нельзя было разговаривать за едой, запрещалось вертеть головой при ходьбе, одежда обязана быть строго по форме, а поход в бар вообще карался официальным запретом — почти как в древней феодальной усадьбе.

Впрочем, с этим еще можно было мириться, но главным источником раздражения являлась Шэнь Цинву. Эта сучья женщина — как же сильно она всех бесила, целыми днями только и делала, что командовала и притворялась.

При людях — моя дорогая сестрица, а за глаза — не хочешь сдохнуть, сиди тихо.

Тьфу ты… с чего это её снова понесло вспоминать эту сучью женщину? Какого чёрта портить себе настроение?

— Ты получила оффер от Корпорации Шэнь? Охренеть, да ты крута!

Из соседнего столика донеслись возбужденные голоса. Музыка в баре оглушала, но разговор за соседним столом перекрывал даже её раскаты.

— Ты хочешь, чтобы мы тут от зависти лопнули? Я тоже туда хочу, но у меня квалификация не дотягивает.

— Раз ты идешь в Корпорацию Шэнь, значит, сможешь увидеть Шэнь Цинву?

— А-а-а, я раньше видела фото Шэнь Цинву в финансовом журнале, она потрясающе красива!

— Я начала играть в Снег Беспричинности именно из-за Шэнь Цинву! Просто фанатею от её внешности, такая красавица да еще и с мозгами, я безумно влюблена!

— И то верно, я отроду не видела никого, кому бы белое ципао шло так чисто и утонченно. Вылитая небесная фея, такая нежная.

— Кхе-кхе-кхе, — Су Е подавилась вином и зашлась в кашле.

Она выразительным взглядом посмотрела на тех, кто расписывал мягкость Шэнь Цинву.

Нежная?

Ха-ха-ха…

Впрочем, они были правы в одном: мягкой у Шэнь Цинву была только внешность, источавшая благостность истинной богини, спасающей мир.

Но кто бы мог подумать, что под этой кроткой маской скрывается гнилое, черное до мозга костей сердце?

Су Е с досады залпом осушила бокал и тут же налила себе еще.

За соседним столиком продолжали болтать о Шэнь Цинву. Слушать не хотелось, но из-за их громких голосов укрыться было негде.

Они обсуждали, как восхитительно Шэнь Цинву смотрится в ципао, восхищались её утонченным характером божественной девы, её благородным происхождением и тем, сколько миллионов она пожертвовала бедным районам из чистого милосердия.

Даже историю о том, как она перевела старушку через дорогу, они раскопали и принялись увлеченно перемывать косточки.

Да когда это она вообще переводила старушку через дорогу?!

Эта черносердечная особа… если б она бабку под зад не пнула, это уже можно было считать проявлением доброты…

Соседи продолжали захлебываться от восторга, возводя Шэнь Цинву в ранг непорочной бодхисаттвы, сочетающей в себе красоту, добродетель и сияющий ореол святости…

У Су Е от этого фанатичного бреда волосы встали дыбом, она попыталась встать, чтобы уйти,

но стоило ей качнуться, как голову пронзило головокружением, и она рухнула обратно на сиденье.

Выпила-то немного, а уже вдрызг пьяна.

Су Е перевела дух, покосилась на бутылку на столе и озадаченно склонила голову набок: у этого вина и правда такое мощное послевкусие?

— Красавица, одна? — рядом с ней опустился мужчина с тяжелым шлейфом табачного дыма.

Персиковые глаза Су Е слегка сузились, брови сошлись на переносице. Она терпеть не могла запах табака, тем более такой удушливый. От этого аромата её и без того гудящая голова закружилась еще сильнее.

http://bllate.org/book/37708/4713232